

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 821.111-31(Коу Д.). DOI 10.26170/FK20-02-23. ББК Ш33(4Вел)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.03

МОТИВЫ УТРАТЫ И ОДИНОЧЕСТВА В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА КОУ «НЕВЕРоятная частная жизнь Максвелла Сима»

Храмова Ю. А.

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского
(Саратов, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-8361>

А н н о т а ц и я . В статье анализируется девятый опубликованный роман современного английского писателя Джонатана Коу (р. 1961), романное творчество которого остается недостаточно изученным отечественными литературоведами. Наиболее популярными романами Коу традиционно считаются «Какое надувательство!» (1994) и «Клуб ракалий» (2001), хотя многие любители британской литературы также могли ознакомиться с его недавно вышедшим и уже сниклавшим популярность романом о Брексит «Срединная Англия» (2018). Тем не менее, роман «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» (2010) в большинстве случаев остается недостаточно изученным как отечественными, так и зарубежными критиками, хотя, с нашей точки зрения, он представляет собой не менее интересный объект для исследования новейшей британской истории, культуры, индивидуального самосознания, психологии. Некоторые зарубежные исследователи относят его к жанровой разновидности современного «романа о состоянии нации», что, с нашей точки зрения, является вопросом дискуссионным. В основу работы были положены труды таких зарубежных исследователей творчества Коу, как В. Гвинери, Д. Думитреску, Ф. Тью и др. В статье исследуются наиболее вероятные (в противовес заглавию) характеристики современного человека в XXI веке на примере изучения лейтмотивов утраты и одиночества в их психоаналитической интерпретации. Особое внимание уделяется восприятию и трансформации личностной идентичности главного героя сквозь призму фрейдистской и юнгианской психологии. В роман искусно вплетены литературные и исторические аллюзии, философские теории и концепции, реалии современной культуры и быта, что все в совокупности создает многомерное текстовое пространство, выходящее далеко за пределы исследуемого романа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : романы; утраты; одиночество; психоанализ; личностная идентичность; литературные мотивы; британская литература; британские писатели; литературное творчество.

THE THEMES OF LOSS AND LONELINESS IN JONATHAN COE'S NOVEL "THE TERRIBLE PRIVACY OF MAXWELL SIM"

Yulia A. Khramova

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky (Saratov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-8361>

Abstract. The article analyzes the ninth novel by contemporary British writer Jonathan Coe (born in 1961) whose novels remain understudied by Russian literary critics. The most popular Coe's novels are considered to be "What a Carve Up!" (1994) and "The Rotters' Club" (2001) although many experts on British literature may have also read his recent and already popular Brexit novel "Middle England" (2018). Nevertheless, "The Terrible Privacy of Maxwell Sim" (2010) demands further studies in Russia and abroad since, in our opinion, it represents equally interesting and important piece of writing for studying contemporary British history, culture, individual consciousness and psychology. According to some literary theorists, this novel can be perceived as a subgenre of the "state-of-the-nation novel", which is in our opinion a debatable question. The present article is based on the works of foreign specialists on Coe's writing such as V. Guignery, D. Dumitraşcu, Ph. Tew etc. The article explores the most common (in contrast to the title) characteristics of a modern man of the XXI century by studying the themes of loss and loneliness in their psychoanalytical interpretation. Special attention is paid to perception and transformation of personal identity of the central character in terms of Freudian and Jungian theories. The novel skillfully incorporates literary and historical allusions, philosophical theories and concepts, descriptions of cultural and everyday life which all collectively create multidimensional textual space going beyond the limits of the novel studied.

Keywords: novels; loss; loneliness; psychoanalysis; personal identity; literary motives; British literature; British writers; literary work.

Для цитирования: Храмова, Ю. А. Мотивы утраты и одиночества в романе Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» / Ю. А. Храмова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 258–266. – DOI: 10.26170/FK20-02-23.

For citation: Khramova, Yu. A. (2020). The Themes of Loss and Loneliness in Jonathan Coe's Novel "The Terrible Privacy of Maxwell Sim" In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 258–266. DOI: 10.26170/FK20-02-23.

«Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» (*The Terrible Privacy of Maxwell Sim*) – девятый по счету роман современного английского писателя Джонатана Коу (р. 1961), вышедший в свет в 2010 г, однако упущенный из виду отечественными литературоведами и критиками. Этот роман стоит особняком среди прочих романов Коу, вызывая неоднозначную реакцию прессы, читателей и литературных критиков с момента его публикации. Для одних он стал очередным подтверждением мастерства и уникальности Коу как современного писателя (*L'Express*, *The Times*, *Die Zeit*), для других оказалось важным отметить иронию и сарказм (*Literary Review*, *New Statesman*), удивительно сочетающиеся с грустью, меланхолией и трагичностью главного персонажа в общей тональности романа (*The Times*, *The Telegraph*, *Irish Independent*), третьих покорила непредсказуемый и шокирующий финал (*The Washington Post*, *San Francisco Chronicle*), гипертекстуальность и постмодернистские техники (*The Guardian*, *The Independent*, *Independent on Sunday*)¹. Не удивительно, что роман активно обсуждается читателями на многочисленных форумах в Интернете,

получая самые разнородные оценки и комментарии.

Известный французский специалист В. Гвинери в монографии по творчеству писателя ставит Коу в один ряд с М. Эмисом, Д. Ланчестером, А. Холлингхерстом, З. Смит и др. и подчеркивает мастерство Коу в жанре романа о состоянии нации. В творчестве Коу Гвинери акцентирует «увлеченность изображением современной Британии, особое отношение к политической составляющей, любовь к юмору, комедии и сатире наряду со склонностью к меланхолии, и, наконец, внимание к нарративу и характерную полифонию его произведений» [Guignery 2016: 15]. Другие исследователи творчества Коу также отмечают его талант в создании современных романов о состоянии нации, к которым, согласно мнению большинства, относятся романы «Какое надувательство!» (1994), «Клуб ракалий» (2001) и «Круг замкнулся» (2004). Однако, как пишет Д. Думитреску, роман «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» не совсем вписывается в каноны жанра, поскольку «не охватывает социально-политических тем с той прямотой, что характерна для трех вышеупомянутых ро-

¹ См. рецензии и обзоры романа: URL: www.complete-review.com/reviews/coej/terrible.htm.

манов» [Dumitrașcu 2017: 16]. Центральной темой этого романа, по мнению Д. Думитреску, является одиночество современного человека, спровоцированное влиянием глобализации, экономического кризиса и новейших технологий. В связи с этим целью настоящего исследования является вычленение, анализ и функционирование лейтмотивов утраты и одиночества в романе «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима».

О том, что роман представляет собой «многослойный пирог», становится ясно уже после прочтения заглавия. «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» содержит литературную аллюзию [Lichfield] к короткому рассказу Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» (*The Secret Life of Walter Mitty*), повествующему о неуверенном в себе муже-подкаблучнике, живущем в придуманном им мире грез и фантазий. Эта аллюзия создает гиперссылку для первого, базового слоя восприятия романа, согласно которому Максвелл Сим, главный герой романа, воспринимается как классический неудачник, патологически неспособный самостоятельно организовать свою жизнь, потерявший работу, утративший связь с друзьями и глубоко переживающий свой разрыв с женой и отцом. На этом уровне он вызывает наибольшее сочувствие у широкой читательской аудитории, поскольку его жизненные проблемы оказываются не такими уж «невероятными», а вполне привычными и знакомыми каждому обывателю. Глубина и реалистичность описываемых событий достигается, в том числе, за счет повествования от первого лица.

Подобно своему литературному прототипу Уолтеру Максвелл Сим бежит от печальной реальности в мир своего прошлого, в мир воспоминаний. Он переживает и проживает их заново, моделирует, что могло бы произойти, если бы все пошло по другому сценарию.

«Многое сложилось бы иначе, если...» [Коу 2012: 233] – любимая фраза Макса. По мере развития сюжета Макс все глубже погружается в свое прошлое, маниакально докапываясь до первопричин своих неудач и постепенно сходя с ума от «ощущения изоляции, одиночества и отчаяния» [Jonathan Coe: *Contemporary...* 2018: 148]. И пока реальная (телесная) жизнь Максвелла движется вперед, к будущему, его внутренняя, частная жизнь стремительно движется в обратном направлении, к прошлому. Ближе к концу романа невероятная интенсивность внутренней жизни героя, разросшаяся до масштабов гигантской черной дыры, центростремительно влечет его вглубь, к границе горизонта событий, за которой скрывается полный абсурд и неизвестность¹. На этом этапе повествование обрывается. Что произошло с Максвеллом Симом – остается решить самому читателю.

Приблизительно с середины в полной мере разворачивается второй слой восприятия романа. О наличии этого уровня сигнализирует один из эпиграфов, взятый из книги Николаса Томалина и Рона Хэлла «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста»², реально существовавшего британского путешественника, предпринимателя и авантюриста. Частично эта гиперссылка отражена и в заглавии, на которое теперь можно посмотреть под другим углом. Подобно реальному прототипу, Дональду Кроухерсту, Максвелл Сим решается в одиночку совершить путешествие практически на край света («к одной из четырех крайних точек Великобритании» [Коу 2012: 159], «На край земли – на Шетландские острова» [Коу 2012: 302]), следуя уговорам своего промутера и пиар-агента Линдси Ашворт.

Аналогия с Кроухерстом в первой половине романа проявляется скорее скрыто: читателя пока не смущает созвучность имен персонажей в романе и в реальной жизни: Линдси

¹ См. подробнее о «черных дырах» в культуре: Botting F. *Aftergothic Consumption, machines, and black holes* // *The Cambridge Companion to Gothic Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 277-300.

² Дональд Кроухерст (1932 – пропал без вести в 1969), попал в список 100 великих авантюристов (Муромов И. А. 100 великих авантюристов. Вече, 2010) за попытку сфабриковать результаты непрерывной кругосветной гонки на приз «Золотой глобус» от газеты *Sunday Times*. Наряду с поломками яхты и оборудования, Кроухерста преследовали напряжение и страх быть разоблаченным. Его яхту нашли в Саргассовом море с подтверждающими обман журналами на борту. Он мог совершить самоубийство, но доподлинно это неизвестно. Материалы о нем были собраны журналистами Николасом Томалином и Роном Хэллом в книге «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста» (*The Strange Last Voyage of Donald Crowhurst*), вышедшей в 2003 г. По мотивам этой истории были также сняты фильмы *Deep Water* (Великобритания, реж. Louise Osmond, Jerry Rothwell, 2006) и «Гонка века» (СССР, реж. Никита Орлов, 1986).

Ашворт – Родни Холлворт¹, Алан Гест – Стенли Бест²; кажется также простым совпадением тот факт, что отец Макса сильно внешне напоминает Кроухерста («Кроухерст – вылитый мой папаша» [Коу 2012: 106]). Одиночество Макса, открыто заявленное им самим в начале романа, какое-то время не воспринимается читателями как нечто катастрофическое и неизбежное. Скорее, наоборот, вопреки достаточно символическому сравнению, герой относится к своему одиночеству по-философски: «Автомобили – как люди. Каждый день мы вливаемся в толпу, носимся туда-сюда, едва не касаясь друг друга, но реальный контакт происходит очень редко. Мы все время уворачиваемся. Все время что-то теряем, оставаясь на уровне „а могло бы быть иначе... или не могло?“» [Коу 2012: 16].

Тем не менее, исключительность и обособленность Макса не вызывают сомнений. Все повествование предваряется практически сюрреалистической картиной – вставной заметкой из газеты «Пресса и хроника Абердиншира» от 9 марта 2009 года – согласно которой Максвелл Сим был обнаружен полицией в машине на окраине города голым и в бессознательном состоянии. В машине полицейские также обнаружили две пустые бутылки из-под виски, «две коробки приблизительно с 400 зубными щетками, а также вместительный мешок для мусора, набитый открытками с видами восточных стран» [Коу 2012: 7]. Подобная хроника, как нельзя лучше демонстрирующая связь Максвелла Сима с Дональдом Кроухерстом, странным образом потерявшимся где-то посреди Саргассова моря, тем не менее, не подводит читателя к проведению прямой аналогии, сохраняя интригу практически до конца романа. Таким образом, начиная от этой отправной точки, читателю предлагается вернуться в прошлое, на несколько недель ранее упомянутого события, в 14 февраля 2009 года, чтобы понять, как Максвелл Сим оказался в подобной ситуации.

Основным лейтмотивом, который подтолкнет читателя к проведению прямой ана-

логии между Кроухерстом и Максвеллом Симом, становится лейтмотив одиночества и утраты. По мере развития повествования Максвелл Сим погружается в депрессию, медленно и постепенно, подобно Кроухерсту, сходя с ума. Толчком к такому «погружению» послужил случай, спровоцировавший появление внутреннего стремления Макса докопаться до первопричин своих неудач. Ужинная в ресторане Сиднея на Валентинов день и наблюдая, как счастливо и беззаботно за соседним столиком китайка с дочерью играют в карты, Макс «чувствовал себя одиноким как никогда в жизни» [Коу 2012: 13]. Духовная близость матери и дочери, их глаза и улыбки, обращенные друг на друга и создающие «границы интимности» [Коу 2012: 15], завораживают Макса, заставляя вспомнить о никчемности своей жизни и неудавшихся отношениях с отцом: «Если на шкале человеческой близости китайка с дочкой находились на одном конце, то мы с папашей – ровно на противоположном» [Коу 2012: 30]. Максимум сразу отчаянно захотелось противостоять череде неудач, жить полноценной жизнью, в нем проснулось стремление к личному счастью. Постепенно Макс переходит к рассуждениям о причинах крушения своего брака с Каролиной: «за последние несколько лет мы напрочь утратили способность находить общий язык. Будто забыли, как надо разговаривать друг с другом, помнили лишь, как надо орать, оскорблять побольнее и швыряться предметами домашнего обихода» [Коу 2012: 25].

Чувство утраты чего-то сугубо личного и ценного не покидает Макса на протяжении всего романа. Утрата как всеобъемлющий феномен проявляется на разных уровнях и в разных ипостасях. Сначала Макс испытывает утрату друзей и острые приступы одиночества в самых неожиданных для этого местах: в общественном туалете, в аэропорту, в кафе, в ресторанах, на пляже – как раз там, где больше всего людей. Постепенно Макс начинает осознавать, что он не просто одинок, он парадоксальным образом утратил способность

¹ Британский журналист, публицист и репортер (работал в *Daily Mail*, *Daily Express*), освещавший в прессе путешествие Кроухерста в 1968–1969 гг. и отвечавший за рекламную разработку (пиар) его имиджа как опытного яхтсмена. См. подробнее: Хэлл Р., Томалин Н. Гонка века: Самая громкая авантюра столетия / пер с англ. В. Черепанова. М.: Издательство «Э», 2018. 432 с.

² Британский предприниматель, финансировавший путешествие Д. Кроухерста.

заводить и поддерживать разговор с другими людьми. Правда, признается себе позже Макс, этому в большей степени поспособствовало развитие современных технологий, стремящихся сделать жизнь человека комфортнее. «Человечество, как вы наверняка заметили, изобретает все новые и новые способы, призванные помочь людям избегать прямых контактов друг с другом, и я пользовался этими свежими разработками на полную катушку» [Коу 2012: 33]. Благодаря таким разработкам Макс, наряду с миллионами других, предпочитает «не звонить, но посылать эсэмэску», «не встречаться с приятелями, но отделываться лихими, ироничными обновлениями на „Фейсбуке“», создавая видимость, иллюзию яркой и насыщенной жизни. Его семьдесят «френдов» в Интернете – люди, по большей части абсолютно ему незнакомые, с которыми нельзя посидеть где-нибудь, поболтать и выпить чашечку кофе. «Да я забыл, что это вообще такое. И может, не вспомнил бы, если бы не китайка с дочкой» [Коу 2012: 34], – рассуждает Макс.

Печальная история обезумевшего от одиночества Кроухерста, как и встреча с китайкой в ресторане, также надолго отпечаталась в сознании Макса. Находясь на борту самолета и осозная себя крошечной красной стрелкой, медленно передвигавшейся по экрану географической карты, Макс впервые сравнивает себя и Кроухерста: «Сорок лет назад Дональд Кроухерст мог месяцами прятаться в Атлантике – будто микроскопическое пятнышко в безбрежном океане, которое никто из обитателей нашей планеты не замечает. Теперь же расплотившиеся орбитальные спутники нацелены на нас ежесекундно, выявляя наше местонахождение с невообразимой скоростью и точностью. Уединения больше не существует. Человек больше не бывает абсолютно отрезанным от остального мира» [Коу 2012: 104]. Однако мысль о том, что в современном мире благодаря новейшим технологиям уже практически невозможно оставаться одиноким, не утешает его. Макс быстро понимает, что одиночество никуда не исчезло, оно просто приняло другие формы, стало менее очевидным: «Ведь если разобраться, даже когда Кроухерст находился далеко в открытом море, даже когда от дома его

отделяло огромное водное пространство, он все равно был связан с женой – невидимыми нитями чувства. Он мог не сомневаться, что она почти постоянно, днем и ночью, думает о нем. А я вот сижу рядом с милой, симпатичной девушкой, которая спит у меня под боком (а по-моему, нет ничего более доверительного и интимного, чем сон бок о бок), но печальная правда состоит в том, что какая бы близость ни успела между нами возникнуть, все это временное явление» [Коу 2012: 104].

Сравнивая свое поколение и поколение Кроухерста, Макс приходит к выводу о том, что современные люди сильно «измельчали», растеряв за короткий период семейные и духовные ценности. Даже в сравнении с такой, казалась бы, жалкой фигурой Кроухерста, современный человек не выдерживает никакого сравнения. «Ему было всего тридцать шесть лет, когда он отправился в кругосветное плавание, но по сравнению с ним я чувствовал себя ребенком, хотя мне две недели назад исполнилось сорок восемь» [Коу 2012: 105]. Макс рассуждает об изменившемся отношении общества к семье и детям, о материалистичности и практичности своего поколения, проецируя эти рассуждения теперь уже конкретно на себя: «Когда мне было столько же, я – как и большинство моих приятелей – все еще агонизировал на тему, готов я завести детей или пока рано. Кроухерст разобрался с этим намного раньше: у него уже было четверо, когда он вышел в открытое море на своем тримаране» [Коу 2012: 105]. В итоге Макс задается почти философским вопросом, на который у него нет ответа: «Что происходит с моим поколением? Почему мы так медленно взрослеем? Детство у нас длится лет до двадцати пяти. А в сорок мы все еще подростки» [Коу 2012: 105].

Анализируя неудачи в семейной и личной жизни и осозная свою отрешенность от внешнего мира, Макс в итоге замыкается на внутреннем диалоге с самим собой, начиная ощущать, что он не просто утратил желание общаться с людьми, он утратил саму связь с обществом. Даже в родном городе Уотфорде Макс с удивлением замечает, что не ощущает какой-то внутренней связи с его жителями. Более того, когда Макс пытался поймать взгляд прохожих, «люди отворачивались, то-

ропливо, намеренно, и ускоряли шаг» [Коу 2012: 112]. Всех почему-то «одинаково пугала перспектива вступить в контакт» [Коу 2012: 112], а тот «малюсенький огонек общечеловеческой солидарности», который Макс пытался разжечь, «вгонял их в панику. Поджав хвост, они бежали прочь, и это зрелище отрезвляло» [Коу 2012: 112–113].

С этого момента одиночество Макса принимает чудовищные формы. Особенно остро это ощущается, когда он заходит в свою пустую городскую квартиру. За время его отсутствия ему никто не написал (пришли только счета за телефон и электричество), не позвонил и не оставил сообщений на автоответчике, не отправил ободряющих комментариев в «Фейсбуке». Такое обилие средств и возможностей общения контрастирует с чудовищным чувством одиночества и изолированности, которое испытывает Макс. У него остается последняя надежда – электронная почта: «Стиснув в правой ладони мышку и затаив дыхание, я смотрел на экран, пока он заполнялся программным приветствием, а затем заглавной страницей почты. Мое сердце громко стучало, а в животе разверзалась черная яма, когда я медленно вел курсором по экрану, чтобы кликнуть роковое „Доставить“» [Коу 2012:122]. Пришедшие на почтовый ящик Макса 137 электронных сообщений оказались по большей части спамом, и все, как на подбор, били в самую больную точку: «Силен в постели – силен во всем» [Коу 2012: 123], «Больше ты ее никогда не разочаруешь!» [Коу 2012: 124], «Ты должен стать Настоящим Мужчиной с огромным достоинством» [Коу 2012: 125], «Что еще нужно, чтобы стать идеальным мужчиной?» [Коу 2012: 126] и т. п. По мере прочтения этих рекламных лозунгов Макс не только испытывает острый приступ разочарования, он начинает невольно задумываться, искать скрытую в этих сообщениях истину: «а точно ли мне пишут незнакомцы, а правда ли, что фармацевтические компании и порносайты случайно вышли на меня? Некоторые фразы звучали прямо-таки философски. Что, если в них заключена некая скрытая истина – истина, предназначенная лично для меня?» [Коу 2012: 125]. Когда же наконец Макс находит среди этого спама одно единственное письмо («реальное письмо от реального

человека» [Коу 2012: 127]), то слова этого письма представляются ему «столь же выразительными, трогательными, исполненными изящества и глубокого смысла, как все, что когда-либо написал Шекспир или любой другой поэт»: «привет макс буду в уотфорде в эту среду как насчет пивка всего трев» [Коу 2012: 127].

Отсутствие общения с другими людьми, а также сосредоточенность Макса на личных проблемах и интенсивный внутренний диалог с собой постепенно подталкивают его к утрате собственной личности, своего «я». В какой-то момент его потребность в общении с утраченным объектом (женой) уже не может удовлетворяться только за счет интенсивного внутреннего диалога с самим собой. Эта огромная нерастроченная энергия ищет выхода и находит – Макс придумывает себе новый образ для общения с женой в Интернете – образ Лиз Хэммонд, матери-одиночки из Брайтона. Макс не устает удивляться тому, сколько нежности и внимания от бывшей жены получила несуществующая Лиз. Этот парадокс в очередной раз подталкивает Макса к неизбежной, по его мнению, параллели с Кроухерстом: «Кроухерст занялся вычислением квадратного корня из минус единицы, и это навело его на сумасшедшую мысль о людях, мутирующих во „второе поколение космических существ“, которые общаются друг с другом способом абсолютно не-физическим, не-материальным. Но может, он не был таким уж безумным? Может, он предсказал наше будущее, двухтысячный год? То есть эпоху, когда все кому не лень стали пользоваться Интернетом – изобретением, позволяющим людям вроде Каролины завести тесные отношения с персоной, являющейся продуктом моего воображения» [Коу 2012: 140].

Отправившись в рекламный тур по стране и стремясь приятно скоротать время, «предаваясь ностальгическим воспоминаниям» [Коу 2012: 223], Макс все глубже погружается в себя и свое прошлое, в тот самый «черный тоннель пространственно-временного континуума» [Коу 2012: 98], в который когда-то погрузился Кроухерст, стремясь вычислить невозможное число, квадратный корень из минус единицы. Первоначальный оптимистичный замысел Макса в итоге оказался невыполнимым –

уж очень скоро за бортом появился невыразительный и скучный пейзаж, напоминающий безмолвный и безбрежный океан: «монотонный, нескончаемый вид из окна машины, мы словно едем по пустыне, по заброшенным землям, до которых никому дела нет» [Коу 2012: 224]. Дороги, традиционно воспринимаемые как связующие «мостики» между людьми, в восприятии Макса были «понастроены для того, чтобы помешать вам знакомиться с другими людьми, их разветвленность попросту не позволяет человеческим особям где-нибудь скапливаться» [Коу 2012: 281].

В полном одиночестве и отчаянии Макс начинает общаться с навигационной системой своего автомобиля и влюбляется в нее. Эмма – голос в навигаторе, который Макс наделяет всеми характеристиками живого человека. Голос Эммы, по восприятию Макса, «не совсем безликий... этот голос звучал спокойно, размеренно и бесконечно умиротворяюще» [Коу 2012: 229]. С Эммой невозможно было поспорить, она не задавала «вопросов с подковыркой», не проявляла ни сарказма, ни негодования. Этакая «идеальная спутница жизни», иронично рассуждает Макс.

Эмма, как это ни странно, оказалась единственной, в ком Макс нашел сочувствие и понимание. Именно ей, продукту своего воображения, Макс рассказывает историю своих неудач, стремясь найти первопричины и устранить их. Эмма своим незримым присутствием будто подталкивает Макса к решению этих загадок, выступает своеобразным проводником на пути к коллективному бессознательному: «... от тебя ведь ничего не скроешь, да? Ты знаешь обо мне все, что только можно знать. Ты – всевидящее око» [Коу 2012: 311]. Посредством диалога с внутренним «я», со своим подсознанием и коллективным бессознательным, Макс выходит за пределы мыслимого общения, открывая перед собой совершенно иные горизонты и иные измерения своего прошлого. Стремясь проанализировать события своей жизни и найти им хоть какое-то разумное объяснение, Макс заходит в тупик, осознавая всю абсурдность своего существования: «Стоило мне подумать, что все в моей жизни хуже некуда, как выясняется, что есть куда: у меня в принципе не предполагалось никакой жизни» [Коу 2012: 429]. Окончательная идентифи-

кация с Кроухерстом («ПОТОМУ ЧТО Я БОЛЬШЕ НЕ МАКСВЕЛЛ СИМ. Я – ДОНАЛЬД КРОУХЕРСТ» [Коу 2012: 430]) подводит Макса к последнему философскому вопросу, который он себе задает: «Я не существую? Я – квадратный корень из минус единицы?» [Коу 2012: 429].

Таким образом, собственная личностная идентичность Макса растворилась, размножилась, распалась на осколки и отражения других существующих и несуществующих личностей: Лиз Хэммонд, Дональда Кроухерста, Эммы. По сути, читатель стал свидетелем постепенного сумасшествия Макса, вернувшись в конечном итоге к исходной точке – той самой сюрреалистической картине, которой предварялось все повествование. Казалось бы, на этом история должна была закончиться, повествовательный круг замкнулся, но Коу приготовил для читателя финальный трюк.

Вопрос о концовке романа остается открытым, и читателю предлагается выбрать наиболее оптимальную. Пессимистам, к примеру, может понравиться финал истории с Кроухерстом – сумасшествие главного героя в машине, брошенной на окраине города. Для оптимистов предусмотрена любовная история с Элисон, подругой детства Макса, к которой он заезжает по маршруту своего рекламного тура. Согласно третьей развязке, роман заканчивается ничем, пустотой, щелчком пальцев автора, внезапно появившегося на последних страницах романа. Исчезновение главного героя в финале символизирует абсурдность выбранного им пути, тупик, из которого нет другого выхода. Подобный прием призван показать важность сохранения индивидуальности и личностной идентичности в многоликом и быстро изменяющемся мире, даже если законы этого мира навязаны внешними неподконтрольными нам силами. На извечный философский вопрос, что же собой представляет индивидуальная человеческая жизнь – самостоятельный феномен или же копию уже прожитых кем-то и когда-то жизнью, Коу не дает однозначного ответа. По окончании прочтения романа очевидно лишь одно – следование навязанным извне стереотипам может привести к утрате собственной личностной идентичности.

Итак, проанализированные нами лейтмотивы утраты и одиночества в романе

Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» в большинстве случаев продемонстрировали парадоксальность (если не закономерность) возникновения этих явлений в XXI веке – веке современных технологий и доступности любых средств коммуникации. Одним из самых очевидных приемов, призванных разрушить миф о невозможности одиночества человека в современном мире, стал выбор заглавия, которое, как было показано, противоречит большей части основного текста романа. «Невероятность» частной жизни главного героя деконструируется за счет подчеркнутой обыденности его мыслей, рассуждений и поступков (посещение ресторана, полет на самолете, поездка на машине, просмотр почтовых сообщений и профиля на Фейсбуке и т. д.). Утрата им традиционных связей с окружающим миром (семьи, друзей,

живого общения), которые в век технологий и информации все чаще позиционируются как архаизм, чревата в конечном итоге утратой личностной идентичности, которая впоследствии компенсируется за счет медийных образов и культурных шаблонов. В финале утрата личностной идентичности вплоть до полной идентификации героя с одним из исторических персонажей призвана показать опасность следования и подражания стереотипам, навязанным сверхмассивной современной культурой, паразитирующей на архетипах прошлого и центрирующей на абсурду и неизвестности. Роман Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» может быть прочитан как роман-предупреждение современному обществу потребления в эпоху технической и информационной революции.

Литература

- Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
- Киселев, В. С. Метатекст как тип художественного целого (К постановке проблемы) / В. С. Киселев // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 282. – С. 184–190.
- Коу, Д. Невероятная частная жизнь Максвелла Сима / Д. Коу ; пер с англ. Е. Полецкой. – М. : Фантом Пресс, 2012. – 512 с.
- Новикова, В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма / В. Г. Новикова. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. – 369 с.
- Проскурнин, Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе / Б. М. Проскурнин. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6. – С. 209–214. – URL: www.rfp.psu.ru/archive/6.2010/proskurnin_.pdf (дата обращения: 31.01.2020).
- Фрейд, З. Печаль и меланхолия / З. Фрейд // Основные психологические теории в психоанализе. – СПб. : Алетейя, 1998. – С. 211–231.
- Coe, J. Marginal Notes, Doubtful Statements: Non-fiction, 1990–2013 / J. Coe. – Kindle Edition : Penguin, 2013. – 315 p.
- Clark, A. The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe / A. Clark. – Text : electronic // The Guardian. – 2010. – 22 May. – URL: www.theguardian.com/books/2010/may/22/terrible-privacy-maxwell-sim-coe (mode of access: 31.01.2020).
- Dumitrașcu, D. Power in Politics and Academia in Jonathan Coe's Novels / D. Dumitrașcu. – Newcastle upon Tyne, UK : Cambridge Scholar Publishing, 2017. – 366 p.
- Gibaldi, W. The man who fell in love with his G.P.S. / W. Gibaldi. – Text : electronic // The New York Times. – 2011. – 8 April. – URL: www.nytimes.com/2011/04/10/books/review/book-review-the-terrible-privacy-of-maxwell-sim-by-jonathan-coe.html?_r=0 (mode of access: 31.01.2020).
- Guignery, V. Jonathan Coe / V. Guignery. – L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2016. – 192 p.
- Jonathan Coe: Contemporary British Satire / ed. by P. Tew. – L. : Bloomsbury Academic, 2018. – 232 p.
- Lichfield, J. The Terrible Voyage of a Technophobe by Jonathan Coe / J. Lichfield. – Text : electronic // Belfast Telegraph. – 2010. – 28 May. – URL: www.belfasttelegraph.co.uk/life/books/the-terrible-voyage-of-a-technophobe-by-jonathan-coe-28538470.html (mode of access: 25.03.2020).
- Paxman, J. The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe / J. Paxman. – Text : electronic // The Guardian. – 2010. – 9 May. – URL: www.theguardian.com/books/2010/may/09/privacy-maxwell-sim-jonathan-coe (mode of access: 31.01.2020).
- The Cambridge Companion to XXth Century English Novel / ed. by R. L. Caserio. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 280 p.
- The Cambridge Companion to Gothic Fiction. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 327 p.
- The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe. – URL: www.complete-review.com/reviews/coej/terrible.htm (mode of access: 31.01.2020). – Text : electronic.

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Problems of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatūra. 504 p.
- Casario, R. L. (Ed.). (2009). *The Cambridge Companion to XXth Century English Novel*. Cambridge, Cambridge University Press. 280 p.
- Clark, A. (2010). The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe. In *The Guardian*. 22 May. URL: www.theguardian.com/books/2010/may/22/terrible-privacy-maxwell-sim-coe (mode of access: 31.01.2020).
- Coe, J. (2012). *Neveroyatnaya chastnaya zhizn' Maksvelly Sima* [The Terrible Privacy of Maxwell Sim] / transl. by E. Poletskaya. Moscow, Phantom Press. 512 p.
- Coe, J. (2013). *Marginal Notes, Doubtful Statements: Non-fiction, 1990–2013*. Kindle Edition, Penguin. 315 p.
- Dumitrașcu, D. (2017). *Power in Politics and Academia in Jonathan Coe's Novels*. Newcastle upon Tyne, UK, Cambridge Scholar Publishing. 366 p.
- Freud, Z. (1998). Pechal'i melankholiya [Mourning and Melancholia]. In *Osnovniye psikhologicheskiye teorii v psihoanalize*. Saint Petersburg, Aleteiya, pp. 211–231.
- Giraldi, W. (2011). The man who fell in love with his G. P. S. In *The New York Times*. 8 April. URL: www.nytimes.com/2011/04/10/books/review/book-review-the-terrible-privacy-of-maxwell-sim-by-jonathan-coe.html?_r=0 (mode of access: 31.01.2020).
- Guignery, V. (2016). *Jonathan Coe*. London, New York, Palgrave Macmillan. 192 p.
- Hogle, J. E. (Ed.). (2002). *The Cambridge Companion to Gothic Fiction*. Cambridge, Cambridge University Press. 327 p.
- Kiselev, V. S. (2004). Metatekst kak tip khudozhestvennogo tselogo (K postanovke problemy) [Metatext as a part of fictional whole (To the origin of the problem)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 282, pp. 184–190.
- Lichfield, J. (2010). The Terrible Voyage of a Technophobe by Jonathan Coe. In *Belfast Telegraph*. 28 May. URL: www.belfasttelegraph.co.uk/life/books/the-terrible-voyage-of-a-technophobe-by-jonathan-coe-28538470.html (mode of access: 25.03.2020).
- Novikova, V. G. (2013). *Britanskii sotsial'nyi roman v epokhu postmodernizma* [British social novel in the epoch of post-modernism]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. 369 p.
- Paxman, J. (2010). The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe. In *The Guardian*. 9 May. URL: www.theguardian.com/books/2010/may/09/privacy-maxwell-sim-jonathan-coe (mode of access: 31.01.2020).
- Proskurnin, B. M. (2010). Realizm? Modernizm? Postmodernizm? Post-postmodernizm? Razmyshleniya o sovremennoi britanskoi proze [Realism? Modernism? Postmodernism? Post-postmodernism? Reflections on contemporary British prose]. In *Vestnik Permskogo Universiteta*. Issue 6, pp. 209–214. URL: www.rfp.psu.ru/archive/6.2010/proskurnin_.pdf.
- Tew, Ph. (Ed.). (2018). *Jonathan Coe: Contemporary British Satire*. London, Bloomsbury Academic. 232 p.
- The Terrible Privacy of Maxwell Sim by Jonathan Coe*. URL: www.complete-review.com/reviews/coej/terrible.htm (mode of access: 31.01.2020).

Данные об авторе

Храмова Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского (Саратов, Россия).

Адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 112.

E-mail: khramovaya@mail.ru.

Author's information

Khramova Yulia Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky (Saratov, Russia).